

ИСТОРИЯ НАУКИ

Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии.
2018. – Т. 27, № 2. – С. 273-280.

УДК 01+09.2

DOI: 10.24411/2073-1035-2018-10037

Л.Г. РАМЕНСКИЙ: ИЗ ХРОНИКИ 20-Х ГОДОВ (ПИСЬМО В.М. ФЛОРОВОЙ)

© 2018 В.Б. Голуб

Институт экологии Волжского бассейна РАН, г. Тольятти (Россия)

Поступила 18.12.2017

Настоящая статья продолжает серию публикаций, посвященных биографии выдающегося отечественного биолога Л.Г. Раменского (Голуб 2017 а, б, в). В ней с комментариями представлено письмо Л.Г. Раменского, отправленное в 1924 г. жене В.М. Флоровой-Раменской.

Ключевые слова: Л.Г. Раменский, история науки, биография, Воронежский университет.

Golub V.B. L.G. Ramensky: from the chronicle of the 1920's (the letter to V.M. Florova). –

This paper continues a series of publications devoted to the biography of the outstanding domestic biologist L.G. Ramensky (Golub 2017 a, b, c). In it with the comments is presented the letter of L.G. Ramensky, which he sent in 1924 to his wife V.M. Florova-Ramensky.

Key words: L.G. Ramensky, history of science, biography, Voronezh University.

Данное письмо было передано нам правнучкой Л.Г. Раменского – Екатериной Ивановной Авдеевой, с разрешением его обнародования. Осенью 1924 г. Раменский отправил его в г. Павловск на Дону из Воронежа, где он начал работать в университете. В Павловске находилась семья Л.Г., куда она возвратилась в сентябре 1923 г. после полутора лет проживания на Каменно-Степной станции (Голуб, 2017 а).

Содержание письма иллюстрирует условия жизни в Советском Союзе в первой половине 20-х годов, оно дает представления об интересах и планах Л.Г. в этот период, его широкой образованности. Значительные отрывки письма касаются личных семейных взаимоотношений Леонтия Григорьевича и его жены Веры Михайловы. Их можно было бы опустить, поскольку они не относятся к научной биографии Л.Г. Однако именно эти части письма наилучшим образом позволяет судить о специфических особенностях его психики. Оно, несомненно, представляет интерес для психоанали-

за. Поэтому мы решили сохранить в публикации достаточно интимные фрагменты. Письмо также являет собой образец эпистолярного жанра, свидетельствующий, на наш взгляд, о незаурядном литературном даровании его автора. Но прежде чем перейти к изложению содержания этого послания и его комментарий, необходимо сделать небольшое введение с разъяснением того, как Л.Г. – житель Санкт-Петербурга – оказался на Воронежской земле.

В 1911 г. по инициативе земства в Воронежской губернии было начато изучение природных ресурсов, которое называли «естественно-историческими исследованиями». Такие работы были организованы в 10-х годах прошлого века в нескольких российских губерниях. Причем преобладало в них обследование естественных кормовых угодий для нужд сельского хозяйства (Дохман, 1973).

Общее руководство геоботаническими работами в Воронежской губернии было поручено В.А. Дубянскому¹, а затем (с 1915 г.) – Б.А. Келлеру². Раменского пригласили возглавить изучение лугов и болот. В 1911 г. он находился в Воронежской губернии для рекогносцировки всего лишь около одного месяца, а с 1912 г. по 1917 г. выезжал на полевые работы из Санкт-

Голуб Валентин Борисович, доктор биологических наук, профессор, заведующий лабораторией фитоценологии, vbgolub2000@mail.ru

Петербургу весной и возвращался домой лишь осенью. В столице Л.Г. продолжал работать помощником В.Л. Комарова³ в Психоневрологическом институте, обрабатывал материал, собранный летом, оставаясь при этом студентом столичного университета.

Кроме маршрутных исследований, Л.Г. организовал в Воронежской губернии и стационарные наблюдения. Они были начаты в 1912 г. на болоте в Хреновском бору, а в 1914 г. - на пойменном лугу р. Осереда под городом Павловск. Здесь Л.Г. основал опорный пункт, для функционирования которого вкладывал и собственные деньги, полученные в наследство от отца. Уже после революции, в 1920 г., на месте этого пункта была открыта государственная опытная луговая станция, первым заведующим которой стал Л.Г. В настоящее время это Воронежская опытная станция по многолетним травам, входящая в структуру ВНИИ кормов им В.Р. Вильямса.

Как видно из статьи Раменского (1915), посвященной опытам по оценке обилия растений, в 1913 г. в Воронежскую губернию выезжала и участвовала в полевых исследованиях его первая жена, Екатерина Александровна, с которой он был обвенчан в 1911 г.⁴

Рис. 1. Вера Михайловна Флорова-Раменская с детьми: Лев (1918–1992), Алексей (1921–1942), Евгения (1923–2005). 1924 г. Фото из семейного архива О.Л. Романовой (Раменской)

Работая в Психоневрологическом институте ассистентом Комарова, Л.Г. познакомился со студенткой Верой Михайловной Флоровой (1891–1975), с которой у него завязался роман. Вера сначала училась на общеобразовательном факультете, а затем – на естественно-

историческом. Она прослушала весь курс этого факультета и была допущена к государственным экзаменам. Из автобиографии и данных в личном листке по учету кадров, которые хранятся во ВНИИ кормов им. В.Р. Вильямса, следует, что в конце апреля 1916 г. В.М. уехала на луговой опорный пункт в Павловск, где она числилась практиканткой. Лишь осенью В.М. вместе с Л.Г. возвратилась в Санкт-Петербург, называвшийся в то время Петроградом. Здесь Л.Г. продолжил свою работу в Психоневрологическом институте. Весной 1917 г. они вновь приехали в г. Павловск⁵.

Из автобиографии Флоровой можно также понять, что в связи выездом в 1916 г. на луговую станцию, она не смогла явиться на государственные экзамены, и диплом об окончании института не получила. Впоследствии во всех документах В.М. писала, что имеет незаконченное высшее образование. Фактически с момента ее отъезда в 1916 г. в Павловск она стала второй женой Л.Г.

Отец и мать В.М. проживали в г. Камышлов Пермской губернии. По воспоминаниям младшей сестры В.М. – Зои Михайловны, – родителям, глубоко верующим православным людям, очень не нравилось сближение дочери с женатым человеком, имеющим двух маленьких детей⁶. Кроме того, это увлечение привело к тому, что В.М. не окончила институт, а на ее содержание в столице потребовались немалые средства. Чтобы попытаться их как-то успокоить, Л.Г., по всей вероятности вместе с В.М., уже ожидавшей рождения ребенка, в октябре 1917 г. едет в Камышлов⁷. Можно предполагать, что молодые люди обещали родителям каким-то образом узаконить свои отношения. Вскоре в этом им значительно помогли большевики, захватившие власть в стране. В декабре 1917 г. они приняли декрет, по которому юридическую силу имели только гражданские браки⁸. В результате, Л.Г. можно было и не думать об оформлении развода с первой женой. Но, почти одновременно, в этом же месяце в результате национализации Л.Г. потерял все деньги, хранившиеся в Государственном банке⁹, а в августе 1918 г. – и недвижимость, оставленную отцом – богатым домовладельцем в Петрограде¹⁰.

Из Перми Л.Г. и В.М. отправляются в Павловск. На этом петербургский период жизни Л.Г. и его семейная жизнь с Екатериной Александровной Раменской закончились. В письме к своему учителю и другу Комарову он просит забрать ряд его вещей из квартиры, в которой

он проживал с первой женой, и перевезти их в Гербарий Ботанического сада¹¹.

Далее приводим письмо Л.Г., которое, напомним, было написано осенью 1924 г.

Верочка, бедная, твое письмо какой-то мрачно-кошмарный бред. Почему ты не веришь мне? Я здесь только и мечтаю, как понемногу мы взаимно отогреемся, наладим нашу¹² жизнь, воспитание детей, как я буду радоваться твоему душевному расцвету (я и сейчас убежден, что он придет, этот расцвет, что сбудется то, что я поставил теперь себе как большую и радостную задачу, которой мое сердце отдается без колебаний и сомнений). Я мыслями и желаниями весь в будущем, в нашем будущем (как и в будущем моей работы – отчасти и она наша).

Тыты, пренебрегая моими прямыми высказываниями и объяснениями, видимо не веря им, упорно топчешься на месте среди сумрачных теней, наполовину тобою же раздутых до фантастических, угрожающих очертаний..... и мучаешься, и порываешься уйти.... не то к звездам, не то просто от меня.... Еще раз прошу, умоляю тебя: брось ковыряться в прошлом (хотя бы и недавнем), брось десятки раз переворачивать каждое слово, находя в нем все новые отрицательные свидетельства (в чем, при желании, они не найдутся!). Верь мне непосредственно, минуя всякую казуистику толкований отдельных фраз и проч. То, что ты, сидя там, в Павловске, одна, мучаешься – лишнее доказательство, что тебе следует переселиться в Воронеж. Да, на Рождестве (в январе) я поеду, вероятно, на съезд в Москву, поеду и в Павловск, январь проезжу. Но мы будем вместе декабрь, февраль, март, д[олжно] б[ыть] и первую половину апреля, т.е. 3,5 месяца. А если ты будешь сидеть в Павловске, то мы будем вместе за зиму – 2 недели (и то максимум); и, сидя в Павловске, ты будешь без удержу предаваться своим мрачным настроениям и построениям и все отчуждаться от меня. Или ты этого и хочешь? Некот[орые] твои слова звучат для меня прямо дико: убеждаешь меня пожалеть детей и проч. – точно я собираюсь тебя или их оставить¹³! И перестань ты навязывать мне «любовь» к А. (которой не было и нет)^{1}.*

Я не хочу копаться в твоих рассуждениях и сомнениях, все существенное уже было мною сказано. Резюмирую свои выводы и предположения:

1. Подводя итоги своему сближению с А., прихожу к следующему:

^{1*}В смысле любви в полном см[ысле] слова, любви мужч[ины] к женщ[ине].

1. Мы (ты и я) в конечном счете, получили полезную встряску. Из нее я вышел с окрепшим, утвердившимся (путем сильного испытания) сознанием своего глубокого чувства к тебе, нашей с тобой глубокой душевной связи^{2}. Нет такого фактора, кот[орый] мог бы эту душевную связь, эту привязанность разорвать. Теперь, после пережитого испытания, после удара, я осознал это и говорю с глубокой уверенностью. Ты еще не переболела, не передумала всего до конца – и мучаешься. Но придет время – и ты также станешь спокойно и с доверием смотреть в наше будущее, с таким же нерушимым оптимизмом.*

Я уверен в тебе, знаю, что ты придешь, - и оттого спокоен, как бы ни волновалась ты сейчас. – Рано или поздно ты поймешь правду....- И, живя со мною, раньше, чем живя отдельно, в П[авло]вске.

2. Я как-то больше самоувердился за эту осень, изжил значит[ельную] часть внутренне робости и неуверенности – и это мне тоже полезно. Я стал душевно определеннее, самоувереннее, во мне растет внутренняя опора, - и упорство. Я в этом очень нуждался! – Слишком уж я привык созавать себя каким-то психическим отщепенцем. Это самоутверждение готовилось понемногу, незримо; тут помог и Университет, и Павловск, вообще все маленькие успехи последнего года¹⁴. Теперь я.... точно как возмужал.

3. К А. у меня осталось глубокое и искреннее расположение. Кроме дружеских и искренних отношений с нею и Вл. Ник. я ничего не жду и ничего не хочу и буду рад их счастью. По приезде в Воронеж нашел 2 письма А., ответил на них, но ее ответа пока не имею; и, по правде, не волнуюсь этим. Если суждено нам быть хорошими, искренними друзьями – хорошо, если нет, если зародившаяся дружба естественно скончается – пускай, значит так и быть должно. Сейчас для меня это вполне на втором план^{3}. Вся моя душевная забота и стремление – быть и стать с тобою, наладить воспитание ребят, - и развить и закончить свои работы.*

Я несколько не боюсь и возможной встречи с А. (по правде – проблематичной): пережитое за

^{2*}Понял в середине сентября, а до тех пор сам тяжело мучился и был как в тумане – в каком сейчас ты.

^{3*}Ты можешь не верить мне. Но подумай, будь я действительно влюблен в А., – зачем бы мне усложнять положение, убеждая тебя приехать в Воронеж; зачем мне так настойчиво и категорически возражать против твоих представлений – вот тогда мне следовало бы вести линию к разрыву, готовить тебя к нему. Нет, Верочка, для меня и передо мною все ясно, определено и светло.

эту осень служит для меня достаточной гарантией. Да и с ее стороны как будто нет никаких чрезмерных претензий или попыток. В общем, этот эпизод в его бурном и неожиданном течении, закончен, только ты еще доживаешь его и, без меня, блуждаешь и мучаешься зря^{4*}.

II. Главный вопрос – наши ближайшие задачи и планы, конкретные.

1. Верочка, нередко (или изредка, как вероятно ты скажешь) по вечерам я беседовал с тобою на общие темы, приоткрывая свои взгляды и душевный строй. Эти минутки сближали нас, увеличивая взаимное понимание и душевный отклик. Тебе (как и мне) эти минутки были дороги: ты чувствовала тогда мою лучшую внутреннюю сущность. Также и я глубже и сердечнее подходил, непосредственнее тебя чувствовал. И ты тогда чувствовала, что я не плохой, не грязный и что во мне есть глубокое человеческое содержание и ясное сознание правды... Ты дорожила этими минутами. Теперь нам надо общаться больше и систематически, надо изучать друг друга, надо органически душевно срастись. Это будут уже не фантастические образы, не кипение в самом себе, полное мнительности и субъективных извращений, - это будет частица живой жизни.

Да, живая жизнь, вот что нам нужно, и тебе - в первую очередь. К сожалению, сама ты вместо живой жизни пробавляешься раковиной с мнительными грезами. Но это мы преодолеем.

Я в прошлом много виноват перед тобою (если вообще искать виновных), но еще больше виновата перед собою ты сама.

Сейчас у меня столько в душе заботы о тебе и готовности работать для ее утоления, как, наверное, не было никогда раньше. Только ты не отворачивайся, не отталкивай меня своим недоверием и т.п., а пойдешь навстречу, помоги. И, кажется, не было раньше столько сердечной тревоги за тебя...

2. Дети!

3. Мои работы – отчасти и твои, наши. На очереди большие литературные работы (сводка о лугах губернии¹⁵, теоретические статьи¹⁶, определитель¹⁷, популярные руководства; м.б. учебный определитель растений...). Серьезная научная обработка гербария¹⁸. Все это должно быть сделано (многое уже начато, определитель

^{4*}В августе-сентябре (начале) это было вроде разлива в тумане: серая мутная непрозрачная вода, волны, берегов не видно (говорю про себя); мучение и чувство запутанности: запутанность не как «роман на стороне», а как переживание тяжелой переоценки и глубокого кризиса в наших с тобой отношениях. Позже все определилось, разлив сошел и теперь – чистый ручей с четкими твердыми берегами, не более.

на 2/3 сделан¹⁹) и будет исполнено, но не мною единолично, (это непосильно), а при содействии твоём, Серезжи и всей той молодежи, которая здесь около меня (Олешиа, Митя, мои студенты; А. Григорович – та кое-что пишет для меня).

Я отнюдь не оставил мысли создать здесь, в университете геоботаническое гнездо – кабинет, школу учеников.

Для всех перечисленных работ мне надо быть в Воронеже. – Нужен гербарий, нужны книги, общение со специалистами...

Далее: я собираюсь перейти к работе областного масштаба, по Ср[едне]-Черноз[емной] области (губернии Воронежской, Курской, Тамбовской, части Орловской и Тульской, Рязанской). Далее: мне, наверное, придется быть в центре воронежской областной организации по луговодству²⁰. И вот я решил, что, если только позволят финансы, мы будем жить в Воронеже независимо от того, как вырешится с университетом²¹ (при условии выезда на лето за город, т.к. в городе летом очень скверно, особенно для ребят). Еще: пытаюсь устроить при обл[астной] станции научно-агрономический кружок.

Еще: собираюсь деятельное участие принимать в Воронежском краеведческом объединении²². Вообще: собираюсь действовать в масштабе более крупном, чем до сих пор. А для этого надо быть среди людей, ближе к культурн[ому] центру и к «источникам»; сидя в Павловске упустить все возможности.

Органически развиваясь, работа привела меня к этим замыслам и к решению обосноваться в Воронеже. Теперь решается курс моей деятельности на ряд лет. Верный инстинкт, точнее сумма многих мыслей, говорят мне: «пора» (также как в 1920 г. мы вовремя (перед голодом) убрались из Павловска, а прошлой осенью я вовремя перебрался в Павловск и повел «смычку»²³). Во всяком серьезном решении, рассчитанном на значительное время вперед, есть риск. Мудрость жизни не в том, чтобы сидеть и ждать, когда обстоятельства сложатся как нельзя лучше и все явится в готовом виде. Нет, мудрость жизни в том, чтобы уметь вовремя угадать зародыши ближайшего будущего^{5*} (зачатки дальнейших событий и обстоятельств) и, применяясь к ним, вовремя рискнуть, а в случае частичных или даже тяжелых неудач уметь использовать каждый благоприятный момент, либо вовремя отступить и наметить другой путь к цели. Сейчас пришла пора рискнуть на жизнь в Воронеже.

4. Взвесим обстоятельства.

^{5*}Необходимость "смычки" я понял на С. Х. Выставке – и понял верно и вовремя, не отставая от требований извне, а их упреждая.

Материальные: живя в одиночку, я проедаю и простирываю в месяц не меньше 35 рб., т.е. примерно все университетское жалованье. Жизнь вместе была бы дешевле; на остаток мы могли бы позволить себе выписку журнала, билет в концерт или в кино и т.п. А питался бы я лучше (я покашливаю и чувствую себя посредственно²⁴). Если университет не надует и Обл[астная] станция²⁵ не снизит, то мой бюджет будет ок[около] 60+40=90-100 рб. в месяц; откинув университет – 60 рб. (но тогда я м. б. найду иные источники). Хлеб здесь: черный в кооперативе 3 к., серый – 5, ситный – 8-9 (в частных – 10 к.); мясо – 10 – 15 к.; масло и молоко дороги, особ[енно] масло (до 1 рб. – сливочное; подсолнечное – 15 к.). Люди на 60 рб. здесь живут. Но, кроме того, есть основание думать, что через год, в случае сносного урожая, жизнь материально станет легче. Я м.б. приработаю еще авторскими (за печ[атные] работы), а ты при желании конечно сможешь заработать, помогая мне секретарством, либо рисуя таблицы. Думаю, что на ближайшие месяцы мой доход будет не меньше 90 рб., на них прожить можно. А летом помогут сучточные.

Университ[етские] замыслы. Я пишу тебе «как мальчик», на авось и т.п. Спасибо, за учебу, но только сейчас я иначе не могу писать. Если бы все зависело от меня! Если бы университет и Москва не тянули бесконечную трудную вольнку, кот[орой] нет конца – краю и которая не дает никакой твердой уверенности, никакой опоры, ориентировки. Ждать конца? А когда это будет? Через месяц, два, через год, больше? А вслед за «концом» не последует новое «веяние» в центре – и новый поворот политики? Ведь вопрос о судьбе Воронежского физмата в Москве за 2 недели перерешался 3 раза! Поистине, мы на зыбкой почве живем, всегда ожидая сюрпризов! Если в ближайший месяц не выяснится или сорвется в Университете, в университетских и московских инстанциях, то я обращусь в Губплан и Губисполком, поведу автономную политику и буду добиваться сохранением моей геоботаники не мытьем, так катаньем. Вот и все, что я могу теперь сказать и сделать; остальное не от меня зависит, а самому без конца тянуть свои дела впредь до «полного выяснения» всех перспектив умным не считаю. Да, риск есть, в крайнем случае и в Павловск вернемся. Но, надеюсь, что этой крайности не будет. Больше такого «авось» я ничего не могу сказать, - не хватает смекалки (очевидно).

Но и для выжидания благоприятной конъюнктуры надо жить в Воронеже (если не в Москве), иначе все прозеваешь (как и я уже про-

пустил некот[орые] возможности в теч[ение] лета).

Что касается другой стороны – аудитории, то тут я чувствую себя совершенно иначе, чем в Институте²⁶: тут я веду самостоятельный предмет, около меня группа молодежи, желающей специализироваться в моем предмете. Они меня добросовестно слушают, стараются на практических занятиях... своя семья. И я не один – мне помогает Сережа (очень одаренный мальчик), тут же Олеся, Митя. Успели обставить кое-какими пособиями... Чувствую жизнь, чувствую моральную опору в деле, - то, чего вовсе не было в Институте. При таком начале стоит поработать и постараться, чтобы дорогое мне дело не заглохло, а развилось (тем более, что в каждой главе курса у меня есть, что сказать – свое!)

Квартирное. Козо²⁷ предоставляет нам комнаты в своем помещении (Ботанич[ическом] институте)²⁸. Соседей нет, внизу – лабораторн[ого] характера комната; дети особенно никому мешать не будут, как бы ни кричали. Козо неизменно любезен и предупредителен, у меня нет никаких оснований на него жаловаться или в чем подозревать. К тому же он не живет здесь. Ни с кем, кроме Козо, у меня нет постоянных отношений и ни о какой враждебной атмосфере пока что нет речи (но спецы, как и всюду, замкнуты и эгоистичны). В городе есть на виду хорошая квартирка, кот[орая] освободится весной и ее хозяин не возражает против передачи ее нам (недалеко от Анны Павл.). Но если я утвержусь в университете, то м.б. получу и низ – захваченный в прошлом году бухгалтером университета. Тогда обоснуемся там, в своем помещении. Как бы это ни было, к весне квартира, наверное, определится^{6*} (а м.б. и раньше). А зиму переживем у Козо (в прошлом письме послал тебе план комнат и прочее).

У Козо будет неудобно, тесно (в 2 квартирах, из них одна – кухня), но приспособимся и проживем, думается, не так уж и плохо.

Культурное. Да, и мне озорчительно думать, что ты разлучишься с музыкой. Но м.б. не совсем и не навсегда? – Рядом в зоол[огической] аудитории нередко музицирует В.И. Бухалова – с кот[орой] я тебя познакомлю. Раз в месяц бываем на концерте. А там понемногу накопим денег (1925-6 г. – поставим это задачей) и, обосновавшись оседло, заведем или привезем пианино (мне очень жалко лишаться нашего ленинградского пианино, м.б. привезем его)²⁹. Верочка, и для

^{6*}Хотя минимальную поддержку, но окажет Антипов – в комхозе.

меня музыка великое утешение и отсутствие ее тяжело, очень тяжело.

...Не будет забот о печении хлеба, о таскании воды и т.п. мелочах деревни – это прибавит времени. Рядом - лекции, заседания. При желании можно урвать побывать (при условии помощницы – девочки). Концерты, театр, кино – немножко будем тратиться на них, это в пределах возможного. Общества и кружки (серьезнее, ч[ем] в Павловске), женотделы (я бы на твоём месте ознакомился, – хотя бы с помощью Евг. Никол.). Книги (из библиотек...). Культурные, интеллигентные знакомства и связи... Словом, культурная жизнь в гораздо более интенсивной и глубокой форме, чем в Павловске.

Сейчас тебе все это кажется недоступным; но когда ты освободишься от теперешнего душевного гнета, встрепенишься (великая вещь даже перемена обстановки!), немножко расправишь лепестки, – тогда в тебе прибудет сил – а, стало быть, и времени. Особенно, если обучишь девочку и наладишь жизнь организованным порядком. Тогда все окажется возможным! И это будет, не сомневаюсь, препятствием к этому лишь твоё предубеждение да отчасти наша неподготовленность к планомерной работе.

Верочка, в Евангелии говорится, что «царствие божие усилием берется»³⁰ - и нам придется немало продумать (вместе!) и поработать, чтобы добиться хороших результатов. Но лиха беда начало – только бы стать на нужный путь!

Переезд. Выбери б. или м. тихую погоду. В Павловске есть крытые возки – можно будет нанять или позаимствовать в долг такой возок (его отыщёт Карп Иванович, м. б. Хрисанф Павлович или Марья Устин[овна], наконец, отец Паши Петрова) и в нём перевезти детвору. Прочие мелкие советы были в предыдущем письме. Ах, ручаться (что не простудишь ребят) вообще никогда и ни за что нельзя. Я только думаю, что большой опасности не будет. В вагонах топят, а в В[ороне]же Ун[иверси]тет – в 2 шагах от вокзала³¹. Прошу [неразборчиво] быть спутником.

Деньги – их пока все нет. Надеюсь, что через 1-1,5 (-2) недели получу их – и немедленно вышлю тебе. Надеюсь, что Лугостанция, и ты в том числе, получила аванс в счёт жалованья (октябрьского). И я здесь пока жду у моря погоды. Но перспективы грандиозные (см. предыд[ущее] письмо).

Мелочи. Укоряешь, что я прислал сахар и бумазю. Сахар я заготовил раньше и прислал весь, т.к. (справедливо!) не был уверен, что быстро состоится твой отъезд. Надеюсь, что вы уже полсахара съели! Бумазю послал на троих (8,5 арш.): мальчат и Женю, имея в виду платица им

для переезда. С Сережей обегал в поисках бумазю магазинов 8. Плотной не было.

Опять душевное. Перечитал твоё письмо – и, признаюсь, чувствую не только глубокую боль за тебя и жалость, но и невольное негодование. Когда, в чём я тебя обманывал (сознательно)? Почему ты не веришь мне живому, моим прямым утверждениям? Вся твоё теперешняя фантастика, все твоё письмо – основаны и пронизаны полным недоверием ко мне. Я не хочу разбирать детали, ты должна понимать сама, ты знаешь, что это так. Иначе не повторяла бы ты мне с бессмысленной настойчивостью о том, что главное для меня, «предстоящая встреча с А.» и т.п. вздор... Стараешься читать между строчек, тенденциозно толкуешь каждое слово... Тебя надо встряхнуть: очнись, Верочка, ты на плохом пути. Чего ты хочешь? Спровоцировать меня, доказав мне (своими письмами и речами), уверив меня, что я действительно влюблен в А. и она для меня все? Ты этой цели не достигнешь, поручкой в этом мои осенние мучения; но, поистине, ты делаешь со своей стороны все возможное, чтобы этого достичь. Я дорог тебе, ты хочешь, чтобы наша семья спаялась, чтобы мы стали одно? Как хочу я этого, как тоскливо мне порою без тебя (и тревожно думать о твоём одиночестве). Но что делаешь ты во имя этого? Возбуждаешь во мне негодование своим недоверием, мелочной подозрительностью? Извращенным перетолковыванием каждого моего жеста?... Или нашему единению поможет скороспелое твоё разочарование во мне и мелочная критика? В этом – твоё любовь? Такой метод способен скорее оттолкнуть, а не привлечь. Если в тебе нет любви, если ты хочешь уйти - сделай это (ведь ты коришь себя за недостаток смелости, что не ушла, не отвернулась). Что же, материальные обстоятельства препятствием не послужат, – я постараюсь об этом. Боюсь только, что этой игре порадуетса одно единственное лицо – сатана. Другого выигравшего не окажется, мы оба только проиграем, окажемся с разбитыми душами... во имя сатаны. Как у Гейне (помнится): «Они любили друг друга и потому уходили и друг друга отталкивали, а потом легли в могилу»³². Да, сатана будет смеяться; как посмеется и над твоим путешествием «за звезды» (ведь оно тоже только в его интересах будет). А между тем, у нас сейчас все данные, чтобы наладить жизнь, чтобы жить душа в душу. Как бы ни был я нечуток, но я достаточно умен, чтобы давать тебе некоторое душевное удовлетворение – благо я ото всей души хочу этого, хочу приглубить, отогреть тебя, чтобы распустился твой робкий цветочек, который я сызначала угадал и полюбил в тебе. Но сейчас, какое

бы семья я не сеял, - оно падает на неподходящую почву, во всем ты найдешь иной смысл, все испачкаешь и опорочишь, все окажется «не то» для тебя. А как давать мне «то», как проявить желаемые тобою экстаз, восторженность любви, когда мучительно чувствуешь, сознаешь, что нет у тебя доверия, нет должного отношения? И как это великолепно! Приписав мне ряд чувств, которых я по совести не могу за собой признать, предлагаешь мне затем отвечать тебе только о делах. Значит, я должен молчаливо принять все твои инсинуации (называю так, потому что все твои утверждения обо мне противоречат моим словам и являются, значит, обвинениями меня во лжи, в игре с тобою. {Во имя чего? Для сатаны? Но он мне вовсе уж не так любезен}); мои ответы и протесты тебя не интересуют. Копаться в деталях не хочу. Обсудим (насчет письма Хитрово и проч.) при свидании; с твоими толкованиями в общем не согласен.

Прости, Верочка, что наговорил тебе сейчас жестокого, грубого: нужно, чтобы ты понимала действие на меня твоего недоверия и подозрительности, чтобы ты видела не только свою, но и мою перспективу. Я понимаю, что ты это все невольно, что ты сама блуждаешь и мучаешься, что ты во власти темных сил. Но встряхнись, погляди объективно, трезво на вещи, дунь на свои фантомы – они только этого и ждут, чтобы разлететься. И пойми, что без доверия мне, непосредственного, нутряного доверия, не требующего улик и доказательств, - у нас будущего не будет, т.к. не будет истиной душевной близости (при таком условии она для меня невозможна).

Верочка, бедное дитя: спроси у своего сердца: я дорог тебе? Я твой желанный? Действительно, только я (как ты говоришь) смогу вновь окрылить тебя? Да? Но разве твой милый может быть ничтожным, дрянным, лживым человеком? Разве станет он лгать в самом насущном, основном для него и тебя вопросе? Если так, то значит, он правду говорит, значит всякие словесные и иные противоречия и улики – все это иллюзии, субъективность перспективы. Значит не надо ничему этому верить, а только словам и глазам твоего милого. Доверься мне, бедняжка, родная моя, моя глупенькая умница, успокойся, забудь о своих чудушках – и тебе станет вместе со мною бодро и светло на душе. Мне бодро и светло потому, что я верю себе, в свое человеческое содержание, - и потому, что в испытании огнем и железом я познал свое лучшее сокровище – глубокое и верное чувство к тебе, моя маленькая жинка. Не будем же мучить друг друга, будем лучше жить, налаживать нашу жизнь и воспитание ребят; делать свое дело. *Ars longa, vita –*

bveris – дело длинно, а жизнь коротка. Крепко целую тебя и с нетерпением жду к себе.

Твой Лева.

Письмо твое разберем по деталям вместе.

Какие выводы можно сделать после прочтения этого письма?

Рис. 2. Гербарный лист с *Scheuchzeria palustris* L. с этикеткой, заполненной рукой Л.Г. Раменского. Гербарий кафедры ботаники и микологии Воронежского государственного университета

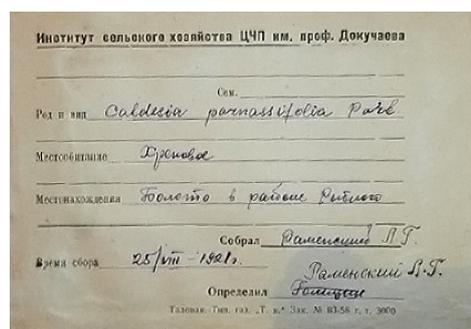

Рис. 3. Этикетка гербарного листа с *Caldesia parnassifolia* Parl. Сбор Л.Г. Раменского. Музей Научно-исследовательского института сельского хозяйства Центрально-Черноземной полосы имени В.В. Докучаева

1. Это письмо еще одно свидетельство ужасающих условий жизни в Советской России после свершившейся революции, где наибольшим бедствием был недостаток продуктов питания и голод. Стоит только поражаться тому, что в таких условиях у ученых, подобных

Л.Г. Раменскому, доминантой оставалась их научная работа.

2. Стиль, образность языка письма, культурные интересы Л.Г. Раменского говорят о широкой его образованности. Становится понятным, что оригинальные идеи, которые он высказал и развил, выросли на хорошо первоначально удобренной почве.

3. Л.Г. Раменскому весьма нравилась работа университетского преподавателя, об уходе с которой он впоследствии жалел (Голуб, 2017 б).

4. Письмо дает нам представление о взаимоотношениях Леонтия Григорьевича с женой Верой Михайловной. Если судить по этому письму, их супружеские отношения были весьма сложными.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-03-00077.

Автор выражает благодарность за предоставленные для работы документы Е.И. Авдеевой, В.А. Агафонову, Н.Ф. Пастушенко, А.Л. Раменскому, О.Л. Романовой (Раменской), Е.П. Яковлевой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дубянский Владимир Андреевич (1877–1962) - родился в г. Павловске на Дону в Воронежской губернии, географ, ботаник, специалист в области изучения песков (https://ru.wikipedia.org/wiki/Дубянский,_Владимир_Андреевич).

² Келлер Борис Александрович (1874–1945) – геоботаник, почвовед. Биографии Б.А. Келлера и обзору его научного творчества посвящена многочисленная литература; см., например: Алехин, 1931; Вавилов, 1946; Базилевская, 1957.

³ Комаров Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945) – ботаник и географ, президент Академии наук СССР (1936–1945).

⁴ Совместные опыты по определению проективного покрытия растений Л.Г. и Е.А. Раменские проводили в районе станции Графская. Вблизи этой станции находился детский санаторий, существующий и поныне. В этот санаторий в 1918 г. была помещена для лечения старшая дочь Леонтия Григорьевича и Екатерины Александровны – Вера, болевшая туберкулезом (Андреев, 2015).

⁵ О приезде в Павловск вместе с В.М. свидетельствует письмо, отправленное 18.04.1917 г. Л.Г. в Воронежскую земскую управу (Государственный архив Воронежской области. Ф. 20. Оп. 1. Д. 10393. Л. 66-67).

⁶ Воспоминания Зои Михайловны, сестры В.М., хранятся в семье А.Л. Раменского (внука Л.Г. Раменского).

⁷ Сообщение о поездке Л.Г. в г. Пермь в октябре-ноябре 1917 г. имеется в его письме Комарову, отправленного 3.11.1917 г. (Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1230. Л. 21-22.)

⁸ О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1942. С. 161-163.

⁹ О национализации банков // Там же. С. 150-152.

¹⁰ Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах // Там же. С. 833-836.

¹¹ (Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1230. Л. 21-22.)

¹² В письме сохранены подчеркивания слов и пунктуация, принадлежащие Л.Г.

¹³ В 1924 г. в семье Л.Г. и В.М. Раменских было трое детей (рис. 1).

¹⁴ К успехам 1924 г. следует отнести, прежде всего, публикацию статьи «Основные закономерности растительного покрова и их изучение» (Раменский, 1924). В ней был сформулирован ряд положений («законы ценобиоза»), которые вошли в «золотой фонд» фитоценологии. Такие, например, как представления о полночленности и неполночленности фитоценозов, площади выявления сообществ, многомерности растительного покрова. Приведены полученные в природе данные о непрерывности растительности и экологической индивидуальности видов растений. Изложенные в этой статье представления о динамике растительности позволили считать Раменского одним из основоположников неравновесной экологии (Rohde, 2006).

¹⁵ Сводки, о которой упоминает Л.Г., опубликовано не было. Но во второй половине 20-х годов им было подготовлена серия статей и докладов о лугах Воронежской и прилегающих областей (Раменский, 1927 а, б, в, г, 1928, 1929 б, в).

¹⁶ К важным теоретическим работам, подготовленным в воронежский период жизни Л.Г., следует отнести его доклад, сделанный в январе 1928 г. на совещании геоботаников-луговедов: «К методике сравнительной обработки и систематизации списков растительности и других объектов, определяемых несколькими несходно действующими факторами» (Раменский, 1929а). В этом докладе была изложена идея ординации растительности, как метода ее изучения в совокупности с влияющими на нее факторами среды. Вероятно, в основном, в Воронеже была подготовлена статья об определении обилия растений путем оценки их проективного покрытия (Раменский, 1929 г).

¹⁷ В Воронеже Л.Г. начал работать над определителем растений по вегетативным признакам. К его созданию он привлек В.М., для которой его усовершенствование стало основным делом всей ее научной деятельности.

¹⁸ Гербарные образцы растений, собранные Л.Г. в Воронежской области, сохранились в Воронежском государственном университете (рис. 2) и Научно-исследовательском институте сельского хозяйства Центрально-Черноземной полосы имени В.В. Докучаева (рис. 3). Кроме того, много образцов лишайников, собранных Л.Г., находилось в коллекции в Воронежском сельскохозяйственном институте (Томин, 1926).

¹⁹ В 1932 г. был опубликован первый том определителя растений в нецветущем состоянии для средней части СССР (Флорова, Раменский, 1932).

²⁰ С 1924 г. по 1928 г. Раменский являлся заведующим отделом луговодства Воронежской областной сельскохозяйственной станции. (Сведения из личного дела Раменского по учету кадров. Архив ВНИИ кормов).

²¹ В 1924 г. физико-математический факультет Воронежского университета начали объединять с педагогическим. Этот процесс сопровождался сокращением преподавательского состава (Карпачев, 2003).

²² В 1919 г. Л.Г. организовал в Воронеже естественно-исторический музей, которым заведовал полтора года.

²³ «Смычка города и деревни» или просто «смычка» – общественное движение в СССР в 1920 – первой половине 1930-х годов по воплощению в жизнь экономического, политического и культурного союза рабочего класса и крестьянства. Вероятно, Л.Г. использует слово «смычка» для иллюстрации того, что, продолжая оставаться заведующим сельскохозяйственной Павловской луговой опытной станции, он в 1924 г. стал преподавателем Воронежского государственного университета.

²⁴ В письмах Комарову, отправленных из Воронежской обл. в 1919 - 1920 гг. (Архив РАН Ф. 277. Оп. 4. Д. 1230 Л. 24,80) и в 1921 г. Савичу (личный архив Савича в БИН РАН) Л.Г. жаловался на то, что он болен туберкулезом.

²⁵ Имеется в виду Воронежская областная сельскохозяйственная станция. Ее филиалом являлась Павловская луговая опытная станция, которой в 1920–1926 гг. заведовал Л.Г.

²⁶ Имеется в виду Воронежский сельскохозяйственный институт, где Л.Г. работал научным сотрудником на кафедре ботаники с 1920 г. до перехода в университет.

²⁷ «Козо» – Борис Михайлович Козо-Полянский (1890–1957) – советский ботаник, член-

корреспондент АН СССР (1932). Профессор Воронежского университета (с 1920). Заведующий кафедрой морфологии и систематики растений ВГУ.

Среди прочих названных в письме лиц идентифицировать удалось еще двоих. 1) Сережа – это Сергей Васильевич Попов (1901–1935). Он помогал Л.Г. проводить исследования на лугах под Павловском в 1919 г., затем, как лаборант, - в преподавании геоботаники и почвоведения в Воронежском университете, участвовал вместе с Л.Г. в ряде экспедиций. Л.Г. устроил его на работу в Государственный луговой институт под Москвой, куда сам перебрался с семьей в 1928 г. Попов умер, работая в Туркменской экспедиции этого института (Раменский, 1936). 2) Бухалова Вера Ивановна – ассистентка зоолога, профессора К.К. Сент-Илера, переехавшая вместе с ним из Тарту в Воронеж в 1918 г. (Скуфьин, 2008).

Личность загадочной «А.» вокруг которой крутится значительная часть письма, установить не удалось.

²⁸ В 1920-х гг. кафедры в ВГУ нередко называли институтами (Карпачев, 2003).

²⁹ В октябре 1925 г. Л.Г. обратился к своему товарищу Савичу и его жене с просьбой переправить из Ленинграда в Воронеж по железной дороге находившийся у них в Ботаническом саду его роуль. Л.Г. пишет: *«Исполнением просьбы глубоко меня обяжете. Простите, что создаю Вам хлопоты – и некоторое огорчение. Уж очень хочется скрасить свою и Веры Михайловны жизнь звуками, которых мы были лишены уже 8 лет»* (Личный архив В.П. Савича в БИН РАН). По рассказам внучки Л.Г., Романовой О.Л., этот инструмент был перевезен из Воронежа в Подмоскovie, куда в 1928 г. переселилась семья Раменских.

³⁰ «От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12).

³¹ Воронежский университет располагался в комплексе зданий, принадлежавших до 1918 г. Михайловскому кадетскому корпусу. Почти все здания этого комплекса были разрушены во время Второй мировой войны.

³² Пересказ смысла стихотворения Генрих Гейне:

Они любили друг друга,
Но каждый упорно молчал:
Смотрели врагами, но каждый
В томленьи любви изнывал.
Они расстались – и только
Встречались в виденьи ночном.
Давно они умерли оба –
И сами не знали о том.
Перевод Афанасия Фета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексин В.В.** Б.А. Келлер как фитоценолог и степевед // Двадцать пять лет научно-педагогической и общественной деятельности Б.А. Келлера (1902–1927). Воронеж, 1931. С. XXIII–XXXVIII.
- Андреев А.Г.** М.Л. Раменская: Воспоминания и документы // Боровичев Е.А., Крышень А.М. (Отв. ред.) Марианна Леонтьевна Раменская (жизнь и научная деятельность, избранное, переводы). Апатиты, 2015.: КНЦ РАН. С. 9–30.
- Базилевская Н.А.** Борис Александрович Келлер (1874–1945) // Базилевская Н.А., Мейер К.И., Станков С.С., Щербакова А.А. Выдающиеся отечественные ботаники. М., 1957. С. 207–214.
- Вавилов С.И.** (Ред.) Борис Александрович Келлер. М.: Л., 1946. 50 с.
- Голуб В.Б.** Раменский Л.Г.: контакты с Н.И. Вавиловым (из хроники 1920-х годов) // Растительность России. 2017 а. № 30. С. 133–141.
- Голуб В.Б.** Л.Г. Раменский – преподаватель Воронежского университета и его студенты // Растительность России. 2017 б. № 31. С. 139–148.
- Голуб В.Б.** Утраченная в СССР концепция «подвижного равновесия» // Историко-биологические исследования. 2017 в. Т. 9, № 1. С. 40–67.
- Дохман Г.И.** История геоботаники в России. М.: Наука, 1973. 287 с.
- Карпачев М.Д.** Воронежский университет. Вехи истории. 1918–2003. Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. 472 с.
- Раменский Л.Г.** К вопросу о количественном учете травяного покрова // Штейн В.Н. (Ред.) Обследование лугов и болот. Материалы по организации и культуре кормовой площади. Труды совещ. создан. Департ. Землед. в 1914 г. 1915. Вып. 12. С. 105–140.
- Раменский Л.Г.** Основные закономерности растительного покрова и их изучение (На основании геоботанических исследований в Воронежской губернии) // Вестник опытного дела. Январь–декабрь 1924 г. Воронеж, 1924. С. 37–73.
- Раменский Л.Г.** Задачи и план по исследованию лугов губернии // Хозяйство на новых путях. 1927 а. № 6–7. С. 78–80.
- Раменский Л.Г.** Придонские луга. Беглый очерк долины Дона от станции Качалинской до станции Нагавской // Хозяйство на новых путях. 1927 б. № 9. С. 107–144.
- Раменский Л.Г.** Придонские луга (предварительный очерк). Сталинград: Гублит. 1927 в. № 66. 28 с.
- Раменский Л.Г.** Сравнительный географический очерк лугов Средне-Черноземной области и Второго Донского округа Сталинградской губернии // Тр. совещ. по вопросу луговедения и опытного луговодства. Вып. 1. Тр. совещ. геоботаников-луговедов 17–22 марта 1927 года при Государственном Луговом Институте. Доклады-протоколы. 1927 г. Вып. 1. Дмитров: Издание Государственного Лугового института. С. 47–61.
- Раменский Л.Г.** Луга // Воронежский край. Природа. Сельское хозяйство. Промышленность. Просвещение. Здравоохранение. Воронеж: Редакционно-издательский комитет. 1928. С. 42–52.
- Раменский Л.Г.** К методике сравнительной обработки и систематизации списков растительности и других объектов, определяемых несколькими несходно действующими факторами // Тр. совещаний по вопросам луговедения и опытного луговодства. Вып. 2. Тр. совещания геоботаников-луговедов, созванного Государственным Луговым институтом. 15–20 января 1928 г. в Ленинграде. Журнал-доклады. Дмитров, 1929 а. Типография Дмитровского Промторга. С. 11–36.
- Раменский Л.Г.** Опытное луговодство и луговедение в Средне-Черноземной области // Тр. совещаний по вопросам луговедения и опытного луговодства. Вып. 3. Тр. 1-го совещания луговодо-опытников 23-го февраля–1-го марта 1928 года при Государственном Луговом институте. Доклады-протоколы-постановления. М. Государственное Сельскохозяйственное издательство «Новая деревня», 1929 б. С. 48–52.
- Раменский Л.Г.** О работах по опытному луговодству Средне-Черноземной области // Вестн. опытного дела Средне-Черноземной области. 1928. Воронеж: Изд-во «Коммуна», 1929 в. С. 37–44.
- Раменский Л.Г.** Проективный учет и описание растительности (Краткое наставление) // Бюллетени Института луговой и болотной культуры им. проф. В.Р. Вильямса. 1929. № 1. С. 3–55.
- Раменский Л.Г.** Памяти С.В. Попова (1901–1935) // Советская ботаника. № 3. 1936. С. 105–106.
- Скуфьин К.В.** Константин Карлович Сент-Илер. Воронеж: Изд.-полигр. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. 157 с.
- Томин М.П.** Материалы к лишайниковой флоре Воронежской губернии // Записки Воронежского сельскохозяйственного института. Воронеж, 1926. Т. 5. С. 109–122.
- Флорова В.М., Раменский Л.Г.** 1932. Определитель растений в нецветущем состоянии для средней части СССР. М.; Л.: Гос. изд-во с.-х. колхозно-кооператив. лит., 1932. 256 с.
- Rohde K.** Nonequilibrium Ecology. Cambridge: Cambridge University Press. 2006. 236 p.